

УДК 821.111-31(71)
ББК 84(7Кан)-44
Э89

Margaret Atwood
LADY ORACLE

Copyright © 1976 by O.W. Toad, Ltd.
This edition is published by arrangement with Curtis Brown UK
and The Van Lear Agency LLC
Фото автора © Jean Malek

Перевод с английского *М. Спивак*
Художественное оформление *А. Старикова*

Этвуд, Маргарет.

Э89   Мадам Оракул / Маргарет Этвуд ; [пер. с англ. М. Спивак]. — Москва : Издательство «Э», 2017. — 480 с. — (Интеллектуальный бестселлер).

ISBN 978-5-699-96004-0

Мадам Оракул — кто она? Толстая рыжая девочка, которую хочет убить собственная мать, чьих надежд она якобы не оправдала? Автор готических любовных романов, прячущаяся под чужим именем? Мистический поэт, создательница целого культа своим единственным загадочным произведением? Или лидер террористической ячейки с неясными, но далекоидущими замыслами?

Собрать осколки множества личностей воедино, разрубить узел замужеств и любовных связей можно только одним способом...

В романе «Мадам Оракул» выдающаяся канадская писательница, лауреат Букеровской премии Маргарет Этвуд вновь раскрывает нам все тайны женской творческой души.

УДК 821.111-31(71)
ББК 84(7Кан)-44

© Спивак М., перевод на русский язык, 2017
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Э», 2017

ISBN 978-5-699-96004-0

ЧАСТЬ 1

1

Свою смерть я спланировала очень тщательно — в отличие от жизни, которая, бессмысленно извиваясь, текла от одного события к другому, вопреки всем моим жалким попыткам вогнать ее хоть в какое-то русло. Жизнь моя имела тенденцию расплзаться, изгибаться, ветвиться и выпячиваться, подобно раме вычурного зеркала — так часто бывает, когда следуешь по пути наименьшего сопротивления. Поэтому хотелось, чтобы моя смерть для контраста оказалась простой, изящной, скромной и даже суровой, словно квакерская церковь или маленькое черное платье с единственной ниткой жемчуга — такие превозносили модные журналы, когда мне было пятнадцать. На этот раз — никаких труб, мегафонов, мишуры, недосказанности. Фокус в том, чтобы исчезнуть без следа, оставив за собой лишь тень мертвого тела, фантом, в реальности которого никто не сможет усомниться. Сначала я думала, что мне это удалось.

На следующий день после приезда в Терремото я сидела на балконе, куда вышла, собираясь принять солнечную ванну. Себе я представлялась этакой средиземноморской богиней, роскошной, золотисто-коричневой, сверкая белозубой улыбкой, она входит в аквамариновые воды — наконец она свободна, про-

Маргарет Этвуд

шлое отринуто; но потом я вспомнила, что не взяла лосьон для загара (с максимальной защитой: без него я обгорю и покроюсь веснушками). Пришлось закрыть плечи и бедра куцыми хозяйскими полотенцами. Купальника у меня тоже не было; сойдут и трусы с лифчиком, подумала я, балкон не проглядывается с улицы.

Балконы мне всегда нравились. Казалось, стоит выбрать правильный и достаточно долго простоять на нем в длинном белом развевающемся платье — предпочтительно, чтобы луна была в первой четверти, — как обязательно что-нибудь случится: зазвучит музыка, внизу появится темная, загадочная фигура и начнет взбираться ко мне, а я со страхом и надеждой, трепеща всем телом, буду изящно лхнуть к чугунным витым перилам. Однако этот мой балкон был не из романтических. Прямоугольные перила, как в недорогих многоквартирных домах эпохи пятидесятых, щербатый бетонный пол. Под таким балконом не станешь, томясь, играть на лютне, сюда не полезешь ни с розой в зубах, ни со стилетом в рукаве. Да и до земли всего футов пять. Любой нормальный таинственный незнакомец, вероятнее всего, подойдет к дому по неровной тропинке, что ведет сверху, с улицы. Хруст шлака под ногами, ножи и розы разве что в мыслях.

Это, во всяком случае, больше подходит Артуру, подумала я, он скорее предпочтет хрустеть, нежели карбкаться. Если бы только все могло стать как раньше, до того, как он изменился... Я представила, как он едет сюда за мной по извилистой горной дороге в арендованном «фиате» с непременным дефектом; Артур рас-

Мадам Оракул

скажет, каким именно, позже, когда мы уже бросимся друг другу в объятия. Он припаркуется — как можно ближе к стене. И, прежде чем выйти, обязательно посмотрится в зеркало заднего вида, проверит выражение лица: он никогда не любил и сейчас опасался бы выглядеть дураком. Осторожно выберется из машины, запрет ее, чтобы не украли его скромный багаж, спрячет ключи во внутренний карман пиджака. Посмотрит налево, направо. Втянет голову в плечи, как делают при виде низкого дверного проема или летящего камня, потом неуверенно, будто крадучись, пройдет в ржавые ворота и зашагает по дорожке. Артура часто останавливают на границах. Это потому, что у него напряженный вид; но корректный, как у шпиона.

От этой картины — долговязый Артур нерешительно, с каменным лицом, в неудобных туфлях и застиранном хлопчатобумажном белье, идет меня спасать, не зная в точности, здесь я или нет, — к глазам подступили слезы. Я сомкнула веки: впереди, далеко-далеко, за невероятным голубым простором, который, по моим сведениям, является Атлантическим океаном, находились все те, кого я оставила по другую сторону. На пляже, разумеется; я достаточно насмотрелась Феллини. Ветер трепал им волосы, они улыбались, махали мне руками, улыбались и что-то кричали, но я, естественно, не могла разобрать слов. Артур стоял ближе всех; за ним, в длинном претенциозном плаще — Королевский Дикобраз, также известный как Чак Брюер; потом Сэм, Марлена и другие. Чуть в стороне, словно простыня на веревке, трепыхалась Леда Спротт, а за прибрежным кустом скрывался Фре-

зер Бьюкенен, мне был виден торчащий локоть с кожаной заплаткой на рукаве. Еще дальше — моя мать, в темно-синем костюме и белой шляпке, рядом, неотчетливо, отец и тетя Лу. Тетя единственная на меня не смотрела; она бодро шагала вдоль берега, глубоко дышала, восторгалась океаном и периодически останавливалась, чтобы вытряхнуть из туфель песок. Потом она их сняла и в чулках, лисьем боа и шляпе с перьями пошла дальше, к киоску с оранжадом и хот-догами, который завлекательным миражом маячил на горизонте.

Но и насчет остальных я ошибалась. Они улыбались и махали не мне, а друг другу. Может, спириты не правы? Может, на самом деле мертвые вовсе не интересуются живыми? Впрочем, многие из этих людей живы, это я числюсь мертвой; им следовало бы меня оплакивать, а они, кажется, веселы и довольны. Это нечестно. Сконцентрировав волю, я попробовала наслать на их берег нечто ужасное — гигантскую каменную голову, падающего коня, — но, увы, совершенно безрезультатно. В сущности, все это больше напоминало не фильм Феллини, а диснеевский мультфильм, который я видела в восемь лет, — про кита, который хотел петь в «Метрополитен Опера». Он подплыл к кораблю и стал исполнять арии на разные голоса, но моряки его загарпунили. Тогда голоса, каждый — в виде души своего цвета, по очереди покинули тело кита и, продолжая петь, поплыли к солнцу. Кажется, это называлось «Кит, который мечтал петь в опере». Я тогда рыдала как безумная.

После воспоминания о ките остановиться было

Мадам Оракул

уже невозможно. Но плакать стильно, как на обложках комиксов про «Настоящую любовь» — беззвучно, жемчужными слезами, которые выкатываются из распахнутых блестящих глаз и ползут по щекам, не оставляя следов и не размазывая туши, — я так и не научилась. Жаль; можно было бы рыдать на людях, а не в ваннах, не в темных залах кинотеатров, не в кустах и не в пустых спальнях, среди шуб, брошенных на кровать гостями. Тех, кто плачет тихо, жалеют. А я всхлипываю, хрюкаю, мои глаза приобретают цвет и форму вареных помидоров, из носа течет, я сжимаю кулаки, издаю стоны, на меня неловко, а потом и забавно смотреть. Я смешна. Горе мое настоящее, а проявляется как пародия — гипертрофированный муляж, неоновый цветок на бензоколонках «Белая роза», давно канувших в прошлое... Плакать красиво — одно из искусств, которыми мне так и не удалось овладеть, вроде умения приклеивать накладные ресницы. Мне нужна была гувернантка, меня следовало отправить в пансион и заставлять ходить с доской, привязанной к спине, учить писать акварелью и владеть собой.

Прошлое изменить нельзя, говорила тетя Лу. Да, но я хотела; это единственное, чего я хотела по-настоящему. Мое тело сотрясалось в судорогах ностальгии. Небо синело, солнце сияло, слева, как вода, искрились осколки стекла; на перилах маленькая зеленая ящерка с переливчато-голубыми глазами грела свою холодную кровь; из долины слышался звон колокольчиков, спокойное «му-у», убаюкивающий рокот чужеземной речи. Я была в безопасности, могла начать жить заново, но вместо этого сидела на балконе

над осколками кухонного стекла, которое разбили еще до меня, в кресле из алюминиевых трубок и желтого пластика и издавала некрасивые звуки.

Это кресло мистера Витрони, моего хозяина. Он обожает разноцветные фломастеры: красные, розовые, фиолетовые, оранжевые — пристрастие, которое я вполне разделяю. С помощью своих фломастеров мистер Витрони демонстрирует землякам умение писать. Я же своими раньше составляла списки и любовные послания, а иногда и то и другое вместе: *«Ушла за кофе, тысяча поцелуев»*. Походы в магазин остались в прошлом — эта мысль окончательно меня расстроила... Больше никаких грейпфрутов, разрезанных на две части, с красной пупочкой мараскиновой вишни, которую Артур привычным жестом откатывал на край тарелки; никакой овсяной каши, которую я ненавидела, а Артур боготворил, — комковатой, подгоревшей, из-за того, что я не слушала его советов и не пользовалась пароваркой... Годы завтраков, неумело приготовленных, неуютных, невозвратных... Годы убитых завтраков, зачем же я это сделала?

До меня дошло, что на всей земле я не могла выбрать места хуже. Надо было ехать туда, где все свежо и ново, где я никогда не бывала раньше. Меня же угораздило вернуться в тот же город и даже в тот же дом, где мы провели прошлое лето. Здесь все по-старому: двухконфорочная плита и газовый баллон, *bombola*, где всегда не вовремя заканчивается газ, и стол с белыми кругами от горячих чашек на полировке — следами моей прошлогодней неосторожности. Здесь та же кровать и тот же матрас, пошедший морщинами от ста-

Мадам Оракул

рости и возни многочисленных постояльцев. Тут меня будет преследовать призрак Артура; я уже слышу, как он полощет горло в ванной, и хруст стекла под креслом — он отодвигается назад, чтобы взять чашку с кофе, которую я передаю через кухонное окно. Стоит открыть глаза и повернуть голову, и я увижу его, с газетой у самого лица, карманным словарем на одном колене и (скорее всего) указательным пальцем левой руки в ухе — бессознательное действие, привычка, существование которой он всегда отрицал.

Я сама во всем виновата, это моя собственная непроходимая тупость. Почему не поехала в Тунис, или на Канары, или даже в Майами-Бич на туристическом автобусе «Грейхаунд», с проживанием в отеле, включенным в стоимость? Не хватило силы воли; хотелось чего-то рутинного, обыденного. Место без рукопожатий, знакомых ориентиров, без *прошлого*... нет, это было бы слишком похоже на смерть.

Я давно рыдала навзрыд, уткнувшись носом в одно из хозяйских полотенец и набросив на голову другое. Старинная привычка: плакать под подушкой, чтобы никто не узнал. Но даже под полотенцем я вдруг услышала странное цоканье, на которое, видимо, не сразу обратила внимание. Я прислушалась. Цоканье прекратилось. Я приподняла полотенце и на уровне собственных лодыжек, футах в трех, не больше, увидела голову старика в плетеной соломенной шляпе. Белесые глаза смотрели то ли с тревогой, то ли с неодобрением; впалый рот был открыт, криво, с одного боку. Видимо, его привлек мой плач. Наверное, думает, что

Маргарет Этвуд

мне дурно, раз я сижу под полотенцем в одном белье. Или что я пьяная.

Я влажно улыбнулась, как бы заверяя, что все в порядке, и, прижав к себе полотенца, стала вставать с кресла, — но слишком поздно вспомнила, что у него есть скверное обыкновение складываться от резких движений. Часть полотенца упала раньше, чем я скрылась за балконной дверью.

Я узнала старика. Это он раз или два в неделю приходил ухаживать за артишоками, что росли на участке перед домом, на твердой, сухой земле. Срезал сорняки ржавым секатором и отрывал созревшие кожистые головки. В отличие от других жителей города он никогда ничего не говорил и не отвечал на приветствия. При виде его у меня по спине пробежали мурашки. Я надела платье (подальше от широкого окна, за дверью) и прошла в ванную, где промокнула лицо влажным полотенцем и высморкалась в царпучую туалетную бумагу мистера Витрони; потом на кухню, налить чашку чая.

Впервые после приезда мне стало страшно. Возвращение сюда не только печально, но и опасно. Бессмысленно считать себя невидимкой, если таковой не являешься. А главная неприятность в следующем: если я узнала старика, то не исключено, что он мог узнать меня.

2

Я села с чашкой за стол. Чай успокаивал и помогал думать, хотя качеством не отличался: он был в пакетиках и пах пластырем. Я купила его в центральном бакалейном магазине вместе с коробкой «Пик Фрин», английского бисквитного печенья. Магазин основательно им запасся в ожидании наплыва туристов-англичан, которые пока что-то не приезжали. Я прочла на коробке: «Поставщик двора Ее Королевского Величества» и почувствовала, как укрепляется мой боевой дух. Королева не стала бы шмыгать носом: уныние вульгарно. *Возьми себя в руки*, — сказал суровый царственный голос. Я прямее села в кресле и задумалась над тем, что делать дальше.

Разумеется, я приняла все меры предосторожности. Назвалась своим вторым именем, а когда ходила смотреть, свободна ли квартира мистера Витрони, надела черные очки и повязала голову шарфом, приобретенным в аэропорту Торонто: розовые конные полицейские, гарцующие под музыку на фоне фиолетовых Скалистых гор, «сделано в Японии». Спрятала фигуру под мешковатым платьем, из тех, что купила на улице в Риме, — розовым, с нежно-голубыми набивными цветочками. Лучше бы, конечно, большие красные розы или оранжевые георгины, а то я как на-

стоящий рулон обоев. Но мне обязательно нужно было что-то неприметное. Мистер Витрони меня не вспомнил, я уверена. Но вот старик застиг меня врасплох, без маскировки и, что еще хуже — с непокрытой головой. А в этой части страны рыжие волосы до пояса сильно бросаются в глаза.

Печенье было как цемент и на вкус отдавало деревяшкой. Я макала его в чай, разжевывала, механически работая челюстями, и не заметила, как съела все без остатка. Плохой знак, надо будет последить за собой.

И надо что-то делать с волосами. Они слишком заметны, из-за цвета и длины они стали моей визитной карточкой. О них неизменно упоминается в газетных заметках, как хвалебных, так и ругательных. В сущности, им отводится едва ли не главное место: видимо, для женщины волосы важнее таланта либо его отсутствия. *«Джоан Фостер, автор знаменитой «Мадам Оракул», словно сошедшая с роскошного портрета кисти Россетти, лучась энергией, буквально заворожила аудиторию своей неземной...»* («Торонто Стар»). *«Создательница известной поэмы в прозе Джоан Фостер, в зеленом платье и с распущенными рыжими волосами, была величественна, как Юнона; к сожалению, услышать ее голос практически не представлялось возможным...»* («Глоуб энд Мэйл»). Выследить мои волосы даже проще, чем меня саму. Придется остричь их, а потом покраситься, хоть я и не уверена, что здесь это возможно. В таком маленьком городке? Вряд ли. Наверное, придется снова ехать в Рим. Вот ведь не догадалась купить парик, подумала я; какое упущение.

Мадам Оракул

Я вернулась в ванную и выудила из косметички на «молнии» маникюрные ножницы. Слишком маленькие, конечно, но выбор небогат: либо они, либо один из тупых резаков мистера Витрони. На то, чтобы прядь за прядью отпилить себе волосы, у меня ушло немало времени. Потом я попыталась придать тому, что осталось, приемлемую форму, но волосы, укорачиваясь, никак не желали становиться ровнее. В конце концов я обкорнала себя так, что сделалась похожа на узницу концлагеря. Лицо, правда, изменилось, и довольно сильно: пожалуй, меня можно принять за секретаршу в отпуске.

Волосы грудами, кольцами лежали в раковине. Жалко выбрасывать; может, спрятать в комод? Но только если их найдут, как я это объясню? Они же сразу начнут искать руки, ноги, прочие части тела. Нет, от волос надо избавиться. Но как? Спустить в унитаз? Их слишком много, а канализация и так уже ведет себя странно, отрыгивает болотный газ и комки разлезающей туалетной бумаги.

Я отнесла рыжую массу на кухню, зажгла газ. И приступила к жертвоприношению. Волосы, прядь за прядью, извиваясь, как острицы, и шипя, как бикфордов шнур, съезживались, чернели, плавилась и наконец сгорали. Помещение наполнилось едким запахом паленой индейки.

По моим щекам текли потоки соленой влаги; я ведь сентименталистка, самая что ни на есть. А дело вот в чем: Артур так любил расчесывать мои волосы. От этого воспоминания я буквально утонула в слезах. Правда, он так и не научился не дергать щеткой, и мне

всегда бывало страшно больно. Но поздно, все поздно... Я никогда не умела чувствовать то, что нужно: злость, когда положено злиться, горе, когда следует плакать; вечно ничему не соответствовала.

Наполовину разделавшись с волосами, я вдруг услышала хруст шлака, шаги. Сердце мучительно сжалось, я застыла: дорожка ведет к дому, никуда больше, в доме, не считая меня, никого нет, другие две квартиры пустыют. Как Артуру удалось так быстро меня найти? Выходит, я была права в своих подозрениях? Или это не Артур, а кто-то из остальных... Страх, который я гнала от себя всю последнюю неделю, нахлынув серой ледяной волной, вынес ко мне все то, чего я так боялась: дохлых зверей, зловещее молчание телефонной трубки, записки от убийцы, нарезанные из «Желтых страниц», револьвер, гнев... Перед глазами всплывали и тут же рассыпались лица, я не знала, кого мне ждать: что им нужно? Вопрос, на который я никогда не могла ответить. Хотелось завопить, побежать в ванную, там, высоко, есть прямоугольное окошко, может, я сумею в него протиснуться и взбегу на холм, и уеду на своей машине. Еще один внезапный побег. Я попыталась вспомнить, куда положила ключи.

В дверь постучали, солидно, уверенно. Раздался голос:

— Алло? Вы внутри?

Я вздохнула свободно. Это всего лишь мистер Витрони, синьор Витрони, улыбчивый Рено Витрони, который обходит свои владения. Собственно, этот дом, насколько мне известно, — его единственное владение; тем не менее синьора Витрони считают од-